

«Я» в пределах мерности

Н.В. Гоноцкая

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 23.10.23

■ Для цитирования: Гоноцкая Н.В. «Я» в пределах мерности // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.8>

Аннотация. Современность предоставляет нам большое количество технологий по самоидентифицированию. Мы встречаемся с ними как в псевдонаучном дискурсе (напр.: в астрологии — натальные карты, гороскопы), так и научном — в области психологии (классификация личностей В. Штерна, К.Г. Юнга, А.Ф. Лазурского и др.). Эти технологии по самоидентификации, модели личности зачастую превратно понимаются, отождествляются с процессом самосознания. Результатом такого отождествления является релятивизация образа «Я», соединения в «Я» различных ситуативных функций, социальных ролей, черт характера. Автор проблематизирует такой подход, при котором «Я» субстантивируется, наделяется качествами, подобно тому, как ими наделена вещь; разводит понятия «самоидентификация» и «самосознание»; поднимает вопросы, связанные с возможностью сохранения континуального единства «Я», с выстраиванием процесса конституирования «Я» во времени. В отличие от процедуры самоидентификации, которая может быть моделируемой, самосознание вписываться в шаблоны не может. Самосознание пластично, изменчиво, укоренено во времени, но при этом всегда принадлежит одному и тому же «Я».

Ключевые слова: самосознание; самоидентификация; темперамент; характер; дифференциальная психология; типология личности; «Я» и время.

"I" within measure

N.V. Gonotskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 23.10.23

■ For citation: Gonotskaya N.V. "I" within measure. Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy. 2024;6(1):55–62. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.8>

Abstract. Modernity provides us with a large number of technologies for self-identification. We meet them both in pseudoscientific discourse (for example: in astrology — natal charts, horoscopes), and scientific, in the field of psychology (classification of personalities by V. Stern, K.G. Jung, A.F. Lazursky, etc.). These technologies for self-identification, personality models are often misunderstood, being identified with the process of self-consciousness. The result of such identification is relativization of the image of the "I", combination of various situational functions, social roles, character traits in the "I". The author problematizes such an approach, in which the "I" is substantized, endowed with qualities, just as a thing is endowed with them; separates the concepts of "self-identification" and "self-consciousness"; raises questions related to the possibility of maintaining the continual unity of the "I", with building the process of

constituting the “I” through time. Unlike the procedure of self-identification, which can be modeled, self-consciousness cannot fit into patterns. Self-consciousness is plastic, changeable, rooted in time, but it always belongs to the same “I”.

Keywords: self-consciousness; self-identification; temperament; character; differential psychology; personality typology; the “I” and time.

Исследование самосознания, постановка вопроса о том, что есть «Я» в истории западноевропейской мысли напрямую связаны с созданием эталонов мерности. Попытки создания эталонов мерности «Я» известны со времен Платона и Аристотеля. Три части души у Платона являются основанием для деления людей на три сословия [1, 439b]. Аристотель в «Никомаховой этике» [2, 1105b] бросает все свои интеллектуальные усилия на то, чтобы определить меру: чем мужество отличается от безрассудности и трусости, а щедрость от расточительности, мотовства и скупости. Этические характеры Феофраста [3], верного друга и ученика Аристотеля, служат парадигматическим примером тому, как создается мерность. Характер — это определенный набор характеристик, присущий данному типу человека. Всего 30 характеров, которые представляют собой группировку людей по порокам — свойствам, которыми они наделены по природе, — такова «непреходящая» сущность (льстивость, пустословие, бесовестность, бестактность, суетливость, тщеславие и т. д.). «Подобно тому, как философы среди многообразия “текучих” вещей ищут какой-то неизменный принцип, так и Феофраст подмечает в человеке среди множества черт некую постоянную черту — “характер”» [4, с. 60–61]. «Для Теофраста каждый человеческий характер — это сумма душевных свойств, проявляющихся в поступках и словах. <...> Здесь, в этих определениях нужно оценить их этическую подачу: прогресс, по сравнению с фигозномическим и симонидовским портретом здесь в том, что характер рассматривается, как сумма психических свойств, а внешнее проявление характера как выражение этих свойств души в поступках и словах» [5, с. 138]. То, чем впоследствии, в XX в., будет заниматься дифференциальная психология, психологическая типология (В. Штерн [6], К.Г. Юнг [7], К. Леонгард [8] и др.), в древности составляло предмет этики. Это учение о душевном складе, нраве человека. На уровне физиологии эта работа по созданию эталонов была проделана Гиппократом и Галеном (четыре темперамента: холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик) [9].

Определению души (или «Я»), данному Платоном¹ [10, 80b] необходимо предшествовал процесс самопроблематизации, именуемый в историко-философской литературе «*антропологическим поворотом*». Начало процедуре по расщеплению «монолитной» души положили софисты, в особенности величайший из них — Сократ. Греки были первыми, кто поставил вопрос, обращенный к самому себе, первыми, кто осмелился рассуждать самостоятельно, поставить под вопрос основания. К примеру, я могу действовать справедливо,

¹ «Божественному, бессмертному, умопостигаемому, единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному самому по себе в высшей степени подобна наша душа, а человеческому, смертному, постигаемому не умом, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собою подобно <...> наше тело». См.: Платон. Федон. 80b.

но я не знаю, *на каком основании* я так действую [11]. Поставить под вопрос самого себя — *это первый шаг* на пути к самопроблематизации. *Вторым шагом* станет попытка создать эталоны мерности. Если не будет этих эталонов, то остается то, что Ницше называл «прямой чувственностью». Трансцендентальная беспечность противостоит самосознанию.

Когда «прямая чувственность» уступает место сознанию со всеми отягчающими его присутствие в мире последствиями, тогда рождается и психология. Судьба или предназначение самосознания в том, чтобы стать познанным для самого себя.

Западноевропейская культура прошла долгий путь по выработке процедур самопознания, а значит, и усложнения субъектности. Сначала — создание эталонов мерности древними греками, затем в эпоху греко-римского эллинизма — формирование границ приватного и публичного пространства через «заботу о себе» (особые душевные практики стоиков, киников, эпикурейцев) [12]; христианская эра, создавшая вторую вселенную наряду с той, которая нам уже дана и частью которой мы являемся, — вселенную внутреннего мира с его рефлексией, чувством вины, осознанием греховности, покаянием, ожиданием спасения, желанием выйти за границы наличного бытия; далее — рождение клиники, изобретение психической болезни, формирование особого рода сферы заботы о душевнобольном — клинической психологии.

Побочный продукт сотворения «души самосознающей» — то, что Ницше называл «ресентиментом» [13]. Под ресентиментом подразумевается комплекс переживаний и эмоций, носящий отрицательный характер (саморазрушение) и требующий интерпретации: зависть, месть, неудовлетворенное напрямую желание, вытесненное в бессознательное и заявляющее о себе опосредованно соматически — как в случаях истерии, подробно описанных Фрейдом и т. д., — весь багаж негативностей, с которыми работают психоаналитики. Так процесс самопознания развернулся и стал увлекательным приключением по производству психологического мусора, приключением всей нашей жизни, верным и терпеливым попутчиком в котором теперь выступает не священник, учитель или родитель, но психоаналитик. Его миссия скромна — не очистить «Я» и вернуть ему его первозданную простоту (вернуться к «прямой чувственности» — что едва ли возможно), но при условиях сохранности сложности субъектности помочь обрести себя, прийти к тому, что обычно называют «гармоничной личностью».

Таким образом, эталоны мерности позволяют собрать в одну точку «Я», отделить «Я» от того, что ему не принадлежит и им не является. И пусть велики различия между тем, что мы понимаем сейчас под процессом самоидентификации, и тем, что об этом говорил, к примеру, Феофраст (современная психология владеет весьма обширным арсеналом типологий личностей, основанием для которых служит не этическая оценка действий, а самые разные конфигурации душевных экспликаций), суть остается неизменной: мы понимаем «Я» через соотнесение его со схемой, данной заранее. «Я» — это совокупность качеств.

Неоднократно предпринимаемые попытки создать универсальную систему по распознаванию сущностных черт характера, составляющих ядро личности, ее склонностей и способностей на основе физиологических и биохимических

реакций, в предыстории психологии являются продолжением пути развития, проложенного древними. Так, характерология, как предшественница дифференциальной психологии, представляла собой, по словам Штерна, «своеобразное слияние философских гипотез о сути и причинах человеческой природы (характера, темперамента) с эмпирическими исследованиями, ограниченными получением данных повседневного опыта или полудилетантскими подходами к рассмотрению психики» [6, с. 17]. Другое популярное в прошлом направление, психогностика, «наивная» или «любительская» психологическая диагностика, основывалась на идее корреляции внешнего и внутреннего, как если бы сама «душа» человека могла проявить себя, высказать себя через определенную телесную конституцию. Физиогномика постулировала связь между чертами и выражениями лица, обусловленными физиологическим строением и типом личности, характера; френология, как разновидность физиогномики, ставшая популярной в XIX в., основывалась на идее связи характера и индивидуальных способностей с формой черепа; графология — на идее связи между характером и почерком человека. Единодушные психологов в определении статуса психогностических учений — как «псевдонаучных» — позволило профессиональному сообществу отдать эти «эзотерические» учения на откуп шарлатанам от науки и невеждам-обывателям. Есть основания полагать, что идея реализовать универсальный подход по типологизации личности исчерпала себя. Так, в психологической науке сейчас принято считать наиболее работоспособной модель личности, основанной на самоопределении себя в отношении другого/других («Большая Пятёрка» личностных качеств: 1) экстраверсия; 2) добросовестность; 3) добросовестность; 4) нейротизм; 5) открытость опыту). Это диспозиционная модель личности, которая отражает восприятие людей друг другом. Однако операциональная и функциональная недостаточность диспозиционного подхода в моделировании личности человека, подтвержденная в ряде современных исследований ([14]¹, [15]²) свидетельствует о том, что

¹ Исследование американских ученых (2018) “A robust data-driven approach identifies four personality types across four large data sets” в рамках модели «Большой пятёрки» полумиллиона испытуемых было призвано подтвердить возможность выделить типаж личности. Согласно этой модели, личность человека включает в себя пять автономных диспозиций. Как пишут авторы, «в отличие от черт личности, существование типов личности остается крайне спорным. Несмотря на различные предполагаемые типы личности, описанные в литературе, небольшие размеры выборки и отсутствие воспроизводимости наборов данных и методов привели к неубедительным результатам о типах личности» (пер. — Н.Г.). Авторы реализуют новый подход к определению типажей личности, однако в ходе исследования удалось выявить лишь склонности и некоторые черты. Испытуемые были распределены на четыре группы: 1) «примеры для подражания» — люди с низкой тревожностью и эскраверсивными наклонностями; 2) «самовлюбленные» — с противоположными показателями по сравнению с первыми; 3) «сдержанные» — с низкими показателями по всем пунктам теста; 4) «середняки» — те, у кого средние показатели по всем параметрам. Считать эту классификацию новым словом в дифференциальной психологии можно лишь с большими оговорками.

² Недавнее исследование американских ученых (2019) “Sixteen going on sixty-six: A longitudinal study of personality stability and change across 50 years”, посвященное изменению характера человека на протяжении жизни, показало, что характер с возрастом меняется, в то время как само усмотрение черт характера в качестве личностного ядра предполагает их неизменчивость, стабильность. Исследователи пришли к выводу о том, что «личность имеет стабильный компонент на протяжении всей жизни, как на уровне черт, так и на уровне профиля, и что личность в то же время податлива, и люди меняются по мере взросления» (пер. — Н.Г.). Таким образом, характер человека с возрастом меняется, но некоторые черты все же могут и сохраняться.

такой субстанциалистский подход к «Я» имеет ряд ограничений. Всякая типологизация основывается на идее о неизменности, сохранности «Я» во времени. С одной стороны, собирая «Я» и внося «Я» в регистр структурированных и заранее наполненных значением (не пустых) идентификационных карт, мы обеспечиваем измеримость и упорядоченность самосознания. С другой стороны, самосознание целиком и полностью не вписывается в рамки этих классификаторов.

Затруднение, с которым сталкиваются психологи, связано с отождествлением процесса самоидентифицирования с самосознанием. Это не одно и то же. *Самоидентификация — процесс, который может быть технологизирован. Самосознание — интуитивно-интерпретативная деятельность, а не дискурсивная.* Сознание — это всегда «сознание о». Сознание по своей природе интенционально. Изобретение субъекта требует предметности. Предметность — это всегда препятствие. Если нет предметности, если нет препятствия, сознания нет вообще. На одной стороне — полюс прямой чувственности (инстинкты), на другой — сознание. Сознание есть там, где есть и то, что ему противостоит, то, что нуждается в познании и что должно быть познано. Думать о себе как о чем-то определенном, обладающем некими характеристиками (скажем, как написано в гороскопах, если вы телец, то вы упрямы, или как показывает тест Айзенка, ваш темперамент меланхоличен, уровень конфликтности и степень психической устойчивости соответствует среднему, а экстраверсивность умеренна), значит субстантивировать сознание. Субстанциальный подход к «Я» требует от нас находить в «Я» нечто неизменчивое, сущностное, способное определять, оказывать влияние на другие качества личности. «Определенное» в смысле данное заранее, то, что могло бы послужить базисом для дальнейшего пристегивания к нему мутаций образов себя, неизбежно происходящих во времени.

Современность предоставляет различные технологии самоидентификации, но они создают упрощенный образ самосознания (самосознание понимается как некая вещь, наделенная определенными качествами). Недостаток их не только в том, что они предлагают схематичное представление об индивидууме, — в их схему может уместиться если не все, то очень многое. Спектр современных эталонов мерности настолько широк, что создает иллюзию возможности сведения «Я» к различным ситуативным функциям, социальным ролям, чертам характера, темпераменту и т. д. В результате личность распадается на периоды жизни, роли, функции. Именно по этой причине необходимо проводить различие между процедурами по самоидентифицированию и процессом самосознания — он не поддается шаблонам. (Довольно полный обзор психологических концептов «Я» представлен Е. Белинской в ее исследовании, посвященном разработке проблематики динамических аспектов Я-концепции и идентичности в рамках общей, возрастной и социальной психологии [16, с. 1–51].)

«Я» постоянно меняется в различных ситуациях повседневной жизни. «Я» накапливает новые мысли, чувства, ценности, обнаруживая себя в хаосе различных житейских ситуаций. «Я» не может быть изъято из времени, а значит, временность должна быть вынесена в теорию «Я». Самосознание осуществляет работу по присвоению или отчуждению развертывающегося

во времени опыта, который «Я» считает своим собственным опытом. Но элементы опыта, вокруг которых разворачивается установление отношений собственности, наделены различной полнотой присутствия. К тому же содержание прошлого и возможного будущего опыта не остается неизменным. А это, в свою очередь, означает, что невозможно раз и навсегда «стать самим собой», «обрести подлинное “Я”», «найти себя». Отвечать на вопрос «Кто я?» означает устанавливать свое отношение не к тому, что есть сейчас, а к тому, что было и что может быть. Нужно искать себя каждый раз заново. Наличие «Я» не всегда гарантировано, как и наличие того, в чем «Я» ищет себя. Прошлому присуща возможность забыться, а будущему — возможность изменения ожиданий. В то же время процесс самосознания не является чистым творческим актом, в котором можно изобретать любое «Я», изобретать себя с нуля.

Единство самосознания каждый раз поддерживается новым усилием памяти, верности, терпеливого ожидания и настойчивого осуществления мечты. Сохранить себя можно лишь ценой немалых усилий, но не меньше усилий нужно и для того, чтобы измениться: сломить привязанность, избавиться от ностальгии, трезво взглянуть в лицо нереальным мечтам. На что будут направлены эти усилия — не предопределено. Найти себя — значит выбрать себя, вкладывая в этот выбор всю силу желания. Изменчивая, требующая выбора, произвольная идея «Я», несущая на себе отпечаток времени, может быть понята только как действие, но не как вещь. Получается, что субъектность не является качеством наряду с другими: силой, красотой, способностью к последовательным действиям и связной речи и т. д. Субъект вообще не проявляется ни в каких качествах — субъект не является вещью. Субъектность проявляется исключительно в том, что «Я» объявляет переживание своим или чужим. Благодаря этому распределению отношений собственности опыту сообщается подвижность, мерцание. Благодаря вмешательству субъектов безличное недифференцированное целое опыта делится на потоки, устремляющиеся в направлении множества центров, отличающихся друг от друга силой притяжения и отталкивания. Через попеременное присвоение/отчуждение опыта ему придается ритм. Субъект осуществляет мышление времени, в котором рождается «Я». Такова ключевая функция субъекта по отношению к опыту. Само «Я» есть только знак, имя, не соответствующее никакой реальной вещи. Истинность этого слова не в соответствии чему-то, что открывается взору беспристрастного наблюдателя, эксперта-психоаналитика, а лишь в убедительности, способности пробудить страсть и веру в «Другого».

Список литературы

1. Платон. Государство. Кн. 4. В кн.: Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Москва: Мысль, 1994.
2. Аристотель. Никомахова этика. Кн. 2. В кн.: Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983.
3. Феофраст. Характеры. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 130 с.
4. Стратановский Г.А. Феофраст и его «Характеры». В кн.: Феофраст. Характеры. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 46–83.

5. Фрейденберг О.М. «Характеры» Теофраста // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. 1941. Вып. 7. № 63. С. 129–141.
6. Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы. Москва: Наука, 1998. 335 с.
7. Юнг К.Г. Психологические типы. Москва: Ювента; Прогресс–Универс, 1995. 715 с.
8. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 544 с.
9. Гиппократ. Этика и общая медицина. Санкт-Петербург: Азбука, 2001. 348 с.
10. Платон. Федон. В кн.: Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1994.
11. Платон. Горгий. В кн.: Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1994.
12. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс 1981–1982 учебном году. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 677 с.
13. Ницше Ф. К генеалогии морали. В кн.: Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Москва: Мысль, 1996. Т. 2. 829 с.
14. Gerlach M., Farb B., Revelle W., et al. A robust data-driven approach identifies four personality types across four large data sets // *Nat Hum Behav.* 2018. N. 2. P. 735–742. doi: 10.1038/s41562-018-0419-z
15. Damian R.I., Spengler M., Sutu A., Roberts B.W. Sixteen going on sixty-six: A longitudinal study of personality stability and change across 50 years // *Journal of Personality and Social Psychology.* 2019. Vol. 117, N. 3. P. 674–695. doi: 10.1037/pspp0000210
16. Белинская Е.П. Динамика представлений человека о себе: история изучения и современное состояние проблемы // *Психолог.* 2013. № 4. С. 1–51. doi: 10.7256/2409-8701.2013.4.767

References

1. Plato. State. Book 4. In: Plato. *Collected works.* In 4 vol. Vol. 3. Moscow: Mysl; 1994. (In Russ.)
2. Aristotle. *Nikomakhova ethics.* Book 2. In: Aristotle. *Works.* In 4 vol. Vol. 4. Moscow: Mysl; 1983. (In Russ.)
3. Theophrastus. *Characters.* Saint Petersburg: Nauka; 2007. 130 p. (In Russ.)
4. Stratanovsky GA. Feofrast and his “Characters”. In: Feofrast. *Characters.* Saint Petersburg: Nauka; 2007. P. 46–83. (In Russ.)
5. Freidenberg OM. “Characters” by Theophrastus. *LSU Scientific Notes. Ser. Philol. sciences.* 1941;7(63):129–141. (In Russ.)
6. Stern V. *Differential psychology and its methodological foundations.* Moscow: Nauka; 1998. 335 p. (In Russ.)
7. Jung KG. *Psychological types.* Moscow: Juventa, Progress-Univers; 1995. 715 p. (In Russ.)
8. Leongard K. *Accentuated personalities.* Rostov-na-Donu: Feniks; 2000. 544 p. (In Russ.)
9. Hippocrates. *Ethics and general medicine.* Saint Petersburg: Azbuka; 2001. 348 p. (In Russ.)
10. Plato. Fedon. In: Platon. *Collected works.* In 4 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl; 1994. (In Russ.)
11. Plato. Gorgiy. In: Plato. *Collected works.* In 4 vol. Vol. 1. Moscow: Mysl; 1994. (In Russ.)
12. Foucault M. *Hermeneutics of the subject: Course of lectures given at the Collège de France 1981–1982 academic year.* Saint Petersburg: Nauka; 2007. 677 p.
13. Nietzsche F. To the genealogy of morality. In: Nietzsche F. *Works.* In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl; 1996. 829 p.
14. Gerlach M, Farb B, Revelle W, et al. A robust data-driven approach identifies four personality types across four large data sets. *Nat Hum Behav.* 2018;(2):735–742. doi: 10.1038/s41562-018-0419-z
15. Damian RI, Spengler M, Sutu A, Roberts BW. Sixteen going on sixty-six: A longitudinal study of personality stability and change across 50 years. *Journal of Personality and Social Psychology.* 2019;117(3):674–695. doi: 10.1037/pspp0000210
16. Belinskaya EP. Dynamics of man’s ideas about himself: the history of study and the current state of the problem. *Psychologist.* 2013;(4):1–51. (In Russ.) doi: 10.7256/2409-8701.2013.4.767

Информация об авторе

Надежда Васильевна ГОНОЦКАЯ — кандидат философских наук, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; eLibrary SPIN: 8147-6335. **E-mail:** nadya360@mail.ru

---

Information about the author

Nadezhda V. GONOTSKAYA — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of Humanities, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; eLibrary SPIN: 8147-6335. **E-mail:** nadya360@mail.ru